

ВЕЧНЫЙ УЧЕНИК

Евгений ЛЕБЕДЕВ — артист редкий, пожалуй, уникальный. Сила его таланта и обаяние крупной, незаурядной личности так велики, что превращают каждый спектакль Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького с участием Лебедева в его бенефис, однако при этом никогда не нарушаются целостность и гармоничность художественного ансамбля.

Восемнадцать лет выходит Евгений Лебедев в роли Василия Бессеменова в спектакле «Мещане». И все восемнадцать лет этот спектакль Товстоногова растет, развивается, меняется вместе со временем. Конечно же, огромна роль режиссера — создателя спектакля, но не менее велика и заслуга актера, исполняющего центральную роль. Лебедев как бы цементирует весь спектакль, он его безусловный лидер, возбудитель живой, подлинно творческой атмосферы на сцене.

С этого мы и начали нашу беседу.

— Евгений Алексеевич, как вам удается столько лет на таком высочайшем уровне исполнять эту сложную роль, не скучно так долго быть в образе Василия Бессеменова?

— Интереснее поразмышлять над тем, как сохранить спектакль живым, свою роль свежей на долгие годы... Итак, если режиссер выстроил все взаимоотношения и актер идет по этой вымощенной заранее дорожке, то уже через девять-десять спектаклей будет скучно... Мне нужно, чтобы все было, как в первый раз, все ново и неизвестно, главное, неизвестно для меня самого. Вот в «Мещанах» каждый раз я по-новому вижу лица «моих детей» — артистов, исполняющих роль Татьяны и Петра. Мой внутренний монолог в каждом спектакле различен, он зависит и от партнеров, и от токов зрительного зала, и от моих собственных ассоциаций, возникающих по ходу спектакля... В наших спектаклях в четком русле драматургии и режиссерского решения всегда предполагается импровизация. Не бывает раз и навсегда заданного, всякий раз идешь от новых жизненных впечатлений, продолжая вникать в произведение. Спектакль для меня — живой, чуткий организм, он всегда разный в мельчайших подробностях, деталях, суть же его, смысл — едины.

— Вы сказали о важности актерской импровизации в вашем театре. БДТ справедливо называют театром Товстоногова. А существует ли определенный тип товстоноговского артиста, и если это так, то какие качества ему присущи?

— Режиссер и его артисты должны понимать друг друга, в процессе работы они должны стать очень близкими людьми, для себя я это называю отношениями мужа и жены.

Они думают об одном, хотя могут думать по-разному, у них сходные вкусы; как в каждой семье, могут быть и ссоры, и скандалы, но в главном они солидарны. Их идеалы и устремления едины.

У нас в театре преобладает тип артиста — сотворца спектакля. Во время работы каждый артист, конечно, в меру своих способностей, может вмешиваться во все роли. Я, например, почти всегда работаю и как режиссер. С Товстоноговым я могу репетировать бесконечно долго.

Уровень нашего коллектива, по моему, очень высок, артисты у нас очень хорошие, сильнейшее старшее и среднее поколение, подрастает способная молодежь. Замечен творческий рост С. Крючковой, Ю. Демича, А. Толубеева, достигших мастерства, уже получивших признание. Театр Товстоногова, его творческий метод дают безмерно много артисту, и тот, кто уходил, вряд ли что-то приобретал. Он мог приобрести славу, популярность, житейские блага, но терял больше, а может быть, и главное.

— Евгений Алексеевич, откройте, пожалуйста, секрет, как все-таки удается вам сохранить такую высокую творческую форму?

— Я четко должен знать свое место в искусстве, если я предъявляю требования к театру, то не меньше, а еще более серьезные требования я обязан предъявить к самому себе. Для работы в театре каждому необходимо выработать свою методологию. Нужно о многом задуматься, думать постоянно — это обязательное требование нашей профессии. Я всегда стараюсь наблюдать, следить, запомнить, какая была ситуация, кто и как при этом себя вел, учусь отгадывать последующий ход событий и анализировать. Жизнь — лучшая школа для художника, и артист — вечный ее ученик. Грудь, спина, плечо, ноги — все может стать неожиданным выразительным средством. Только средства выразительности надо находить в жизни, у людей, а мы порой тащим их у другого артиста. На сцене каждое движение имеет определенное значение, ничего не должно быть случайным.

Я для себя различаю два понятия — актер и артист, хотя в нашей речи они стали синонимами. Для меня есть четкая граница: актер — это исполнитель чужой роли, артист же — сотворец, исследователь.

Мы должны вглядываться в глаза людей, тогда мы сможем передать зрителю то, что нас волнует, то, о чем мы не можем не говорить.

И. МОЛЧАНОВА.

г. Свердловск

29 СЕН 1984